

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ХРОНОТОП КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Георгиева Н. Ю.

НИУ ВШЭ (Пермь), Пермь, Россия (614070, Пермь, ул. Студенческая, 38), e-mail: nlgrgv@yandex.ru

В статье рассматривается категория переводческого хронотопа, пространственно-временного континуума, в рамках которого происходит синергия пространственных и темпоральных смыслов, что приводит к порождению гармоничного текста перевода, способного интегрироваться в принимающую культуру и обогатить его. Введение в научный обиход категорий переводческого пространства и переводческого времени способствовало возникновению идеи переводческого хронотопа с целью исследования процесса перевода при взаимодействии языков и культур. В статье представлена и описана модель функционирования переводческого хронотопа в процессе взаимодействия монокронного дискурса англоязычной исходной культуры и полихронного дискурса русскоязычной принимающей культуры, что требует темпоральной перекодировки в виде этнолингвокультурной адаптации темпоральности. Это становится возможным при условии рассмотрения этого процесса сквозь призму переводческого хронотопа.

Ключевые слова: переводческий хронотоп, переводческое пространство, пространственные смыслы, темпоральные смыслы, переводческий дискурс, монокронный, полихронный, переводческая картина мира.

TRANSLATION CHRONOTOPE AS A REFLECTION OF THE INTERPRETER'S WORLDVIEW

Georgieva N. Y.

National Research University Higher School of Economics (Perm) Perm, Russia (614070, Perm, Studencheskaya Str., 38), e-mail: nlgrgv@yandex.ru

The article considers the category of the translation chronotope as a space-time continuum. In its frames there is a synergy of space and time senses, which leads to generating a harmonic target text able to integrate into the host culture and enrich it. Introduction of such categories as translation space and translation time into the scientific use contributed to the idea of the translation chronotope in order to investigate the translation process when languages and cultures interact. The article introduces and describes operation of the translation chronotope model in the process of interacting the monochronic discourse of the original English-language culture and the polichronic discourse of the Russian-language host culture. The process requires the temporal conversion named as etnolinguistic-cultural adaptation. It turns possible when considered through the prism of the translation chronotope.

Key words: translation chronotope, translation space, space senses, time senses, translation discourse, monochronic, polichronic, translation worldview.

Пространство и время как форма существования объективного мира и всех его объектов, событий, происходящих в нем, являются базовыми компонентами жизни и сознания человека. Это универсальные категории внеязыковой действительности, которые всегда привлекали внимание специалистов разных областей знаний.

С развитием антропологической парадигмы знаний в науке возник интерес к роли человека в языке. В свете последних достижений в области когнитивной лингвистики появилась возможность изучать пространство и время с помощью новых лингвистических методов, сопровождающихся когнитивной интерпретацией, в результате чего на базе выявленной информации о признаках объективной реальности реконструируется языковая картина мира, которая отражает ментальность народа, его мировидение и миропонимание.

Анализ языкового материала позволяет обнаружить специфику восприятия и осмысления пространственно-временных смыслов представителями той или иной языковой общности, что приводит к осознанию того, что пространство и время, существуя в неразрывном единстве, являются важнейшими концептами языковой картины мира.

Понятие о неразрывной слитности в структуре образа пространственных и временных характеристик получило название «*хронотоп*» (от греч. «*хронос*» – время, «*тоπος*» – пространство) и было введено в эстетику и теорию литературы М. М. Бахтиным, который использовал это понятие применительно к исследованию художественного текста. Под хронотопом великий мыслитель понимал «существенные взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1]. По мнению ученого, пространство текста является отражением реального пространства, и, соответственно, время текста отражает реальное время. При этом особое внимание уделяется внешнему, реальному пространству и времени.

Дальнейшее развитие данного понятия простирается как на область филологии, так и на семиотику культуры (Г. В. Елизарова, Ю. М. Лотман, В. А. Лукин, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др.). Как полагают ученые, время и пространство, т. е. хронотоп, репрезентируют способ осмысления человеком окружающего мира. В результате реальный и ментальный хронотопы переплетаются в тексте и в сознании человека.

Основываясь на рассуждениях ученых, а также на концепции переводческого пространства, Л. В. Кушнина ввела в научный обиход понятие «*переводческого хронотопа*» для обозначения совокупного рассмотрения темпоральных и пространственных смыслов в условиях переводческого дискурса [4]. Термин «хронотоп» имеет непосредственное отношение, во-первых, к переводческому пространству, которое простирается от эксплицитно выраженного текста оригинала до текста перевода, включая в себя все имплицитные текстовые измерения: предтекст, контекст, затекст, подтекст, интертекст; во-вторых, к переводческому времени, которое проявляется во всех полях переводческого пространства, но особую значимость приобретает в фатическом <культурологическом> поле.

В связи с тем, что концепция переводческого хронотопа еще не получила достаточного развития, автор трактует ее по-разному. Приведем некоторые толкования.

1) «Переводческий хронотоп является результатом осмысления переводческой картины мира, включающей в себя, с одной стороны, картину мира родного языка и культуры, с другой стороны, картину мира иностранного языка и культуры с присущими каждому из них пространственно-временными признаками» [5].

2) Переводческий хронотоп как синтез переводческого времени и переводческого пространства является средой для нового отражения текстообразующих и

смыслообразующих функций пространства и времени, т.к. эти функции должны быть транспонированы переводчиком.

3) Переводческий хронотоп как лингвопереводческая категория являет собой вершину процесса перевода, детерминирующую процесс гармонизации пространственных и темпоральных смыслов, а «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1].

4) Переводческий хронотоп – это «характеристика времени-пространства как процесса, которая приводит к порождению уникального текста перевода как результата» [5]. Переводчик является центральной фигурой в процессе межъязыкового и межкультурного взаимодействия, представляющий собой область функционирования переводческого хронотопа. Следовательно, переводческий хронотоп есть своего рода идеал переводчика-медиатора языков и культур.

Как видим, каждое из этих толкований раскрывает один из ракурсов понимания данного феномена. Между тем в своем исследовании мы основываемся на синергетической трактовке переводческого хронотопа, предложенной Л. В. Кушниковой: «речь идет в данном случае о синергии пространственных и временных (темпоральных) смыслов. Такая ситуация определяется нами как переводческий хронотоп» [5]. Иными словами, переводческий хронотоп есть синергия пространственных и темпоральных смыслов, сопровождаемых появлением новых смыслов, что приводит к порождению гармоничного текста перевода, способного интегрироваться в принимающую культуру и обогатить его.

В качестве примера, иллюстрирующего проявление переводческого хронотопа, приведем стихотворение французского поэта М. Карема «Soir de décembre» и его перевод «Декабрьский вечер», выполненный М. Ясновым [6]:

<i>Ce soir de décembre est si triste Qu'on ose à peine respirer On entend doucement le disque De la pleine lune tourner ...</i> <i>[М. Карем 2011]</i>	<i>Какая грустная картинка! Декабрьский вечер. Тишина. Как патефонная пластинка На небе полная луна.</i> <i>[Перевод М. Яснова]</i>
---	---

В тексте оригинала и перевода происходит взаимодействие темпоральных и пространственных смыслов: *soir de décembre* – декабрьский вечер; *tourner* (вращаться); *на небе*. Предметом сопоставительного анализа является *луна*, которую поэт сравнивает с «**le disque**», а переводчик с «**патефонной пластинкой**». В данном контексте *луна* содержит иплицитно выраженный темпорально-пространственный смысл, т.к. луна представляет собой естественный спутник Земли, ближайшее к ней небесное тело, которое можно наблюдать на

небе в темное время суток. Кроме того, луна «движется вокруг Земли со средней скоростью 1,02 км/сек по приблизительно эллиптической орбите в том же направлении, в котором движется подавляющее большинство других тел Солнечной системы, то есть против часовой стрелки» [2].

Данный пример иллюстрирует тот факт, что переводчик «создает собственную переводческую картину мира, которая, «наслаиваясь» на смысловое пространство исходного текста, транспонируется в смысловое пространство текста перевода, вбирая в себя контактирующие языки и контактирующие культуры» [5].

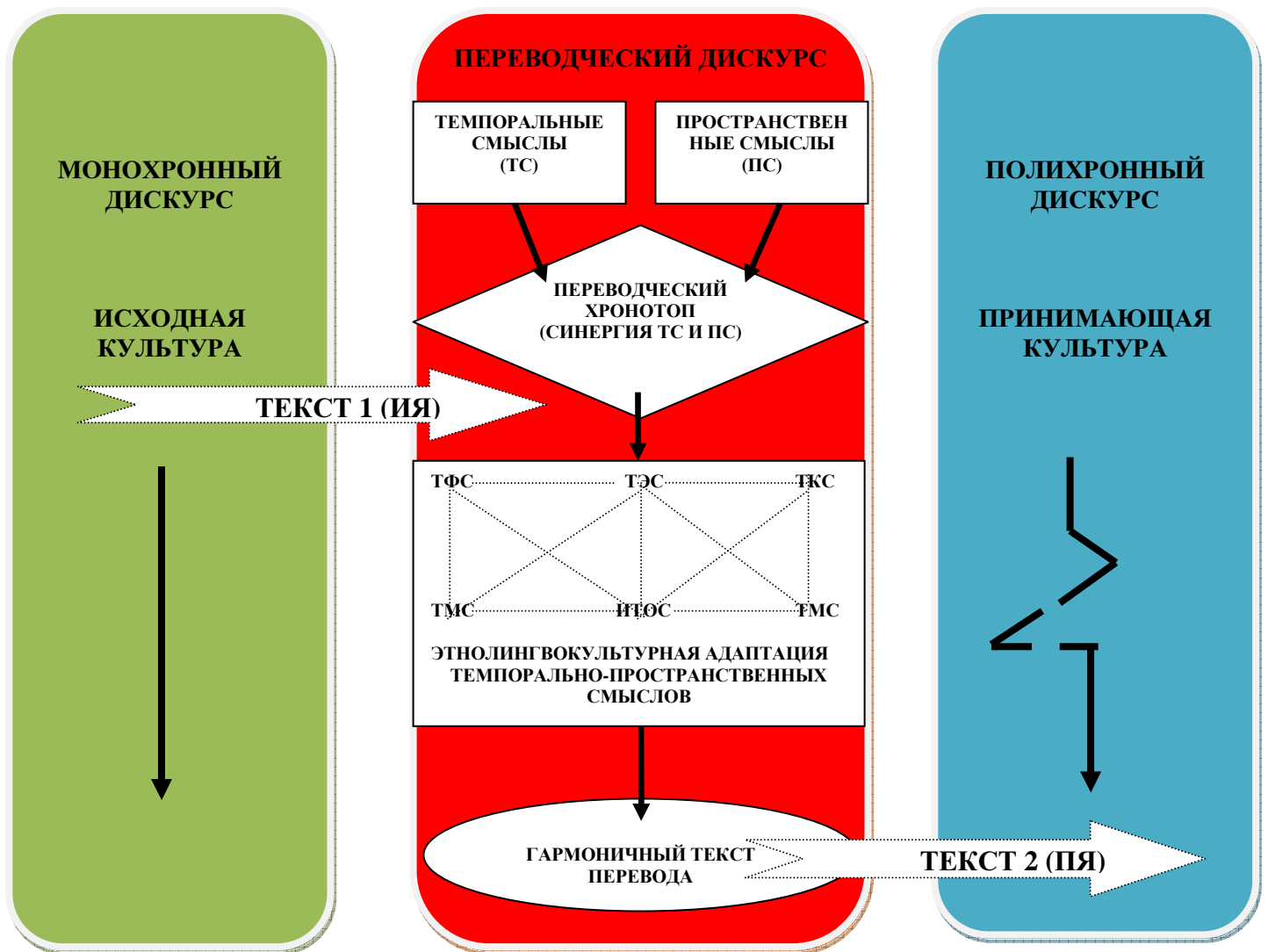
Мы можем предположить, что переводчик намеренно сравнивает луну с *патефонной пластинкой*, осознавая время автора, его эпоху, т.е. темпоральный смысл текста перевода соответствует темпоральным смыслам эпохи создания текста стихотворения. Однако, говоря о возрасте перевода и его перемещении в пространстве и времени, а именно, переводческом хронотопе с позиций диахронии, мы отмечаем, что данный перевод устарел в отличие от текста оригинала: *патефонная пластинка* имеет значение *старой пластинки*, предназначенной для патефона, который по данным Современной Энциклопедии «был создан в начале двадцатого века во Франции и в середине прошлого столетия был вытеснен электрофонами» [7]. Значение *le disque* не устарело, следовательно, и авторский текст, в отличие от текста перевода, не устарел.

В фокусе нашего исследовательского интереса – взаимодействие монохронной (американской/британской) культуры и полихронной (русской) культуры, что требует, прежде всего, темпоральной перекодировки в виде этнолингвокультурной адаптации и что становится возможным при условии рассмотрения этого процесса сквозь призму переводческого хронотопа, модель которого представлена ниже (рис. 1).

В рамках переводческого дискурса происходит конструирование новых темпоральных и пространственных смыслов, которые преломляясь в субъективно-индивидуальном когнитивном пространстве переводчика, его индивидуально-образной переводческой картине мира, транспонируются в другой язык и другую культуру. В результате когнитивно-дискурсивного процесса рождается новый гармоничный текст, который вписывается в принимающую культуру.

Модель переводческого хронотопа наглядно демонстрирует его функционирование как инструмента, обеспечивающего процесс этнолингвокультурной адаптации темпоральных смыслов при переводе.

Рис. 1. Модель переводческого хронотопа

Основываясь на идее Р. Каплана о совпадении структуры дискурса и структуры человеческой мысли, мы сделали вывод, что дискурс, как и культура, может быть *монохронным* или *полихронным*, т.е. культурно-обусловленные различия восприятия времени влияют на структуру дискурса [3]. Это дало нам основание предположить, что в рамках переводческого дискурса в ситуации делового общения разворачиваются два культурно-речевых дискурса: *монохронный* с прямолинейным, логичным разворачиванием мысли и последовательным вербальным выражением всех компонентов высказывания, и *полихронный*, характеризующийся непрямым, часто имплицитным типом высказывания с многочисленными отклонениями от темы дискуссии/ переговоров, что показано графически в полях монохронного и полихронного дискурсов на рис.1.

Мы исследуем процесс транспонирования темпоральных смыслов из монохронной культуры/ дискурса в полихронную культуру/ дискурс, поэтому монохронная культура выступает в качестве исходной, а полихронная культура является принимающей.

Прежде чем преобразовать текст оригинала (Текст 1 ИЯ), принадлежащий монохронному дискурсу исходной англоязычной культуры, в текст перевода (Текст 2 ПЯ), принадлежащий полихронному дискурсу русскоязычной культуры, переводчик должен осознать темпоральные и пространственные смыслы индивидуально-когнитивного переводческого пространства – переводческого дискурса, где в результате их синергии происходит порождение переводческого хронотопа. Темпоральные смыслы, формируемые в рамках переводческого хронотопа, вступая в синергетическое взаимодействие с полями переводческого пространства, порождают новые темпорально-пространственные смыслы:

- 1) *Темпорально-фактуальный смысл (ТФС) в содержательном поле;*
- 2) *Темпорально-эмотивный смысл (ТЭС) в энергетическом поле;*
- 3) *Темпорально-культурологический смысл (ТКС) в фатическом поле;*
- 4) *Темпорально-модальный смысл (ТМС) в поле автора;*
- 5) *Индивидуальный темпорально-образный смысл (ИТОС) в поле переводчика;*
- 6) *Темпорально-рефлексивный смысл (ТРС) в поле реципиента.*

Темпорально-пространственные смыслы, возникающие в сознании переводчика, преломляются в соответствии с его индивидуальной культурно-языковой картиной мира, т.е. подвергаются этнолингвокультурной адаптации с учетом их совпадений и/или расхождений в монохронных и полихронных культурах. Результатом успешной адаптации темпорально-пространственных смыслов является гармоничный текст перевода (ТЕКСТ 2 ПЯ), который естественным образом вписывается в рамки дискурса принимающей полихронной культуры.

Следует уточнить, что при переводе текста ИЯ в текст ПЯ структура дискурса может не претерпевать изменения. Это обусловлено тем, что российская культура, которую мы относим к полихронной, содержит элементы как полихронной, так и монохронной культуры. Иными словами, функционирование лексических средств выражения темпоральности, т.е. темпоральных маркеров или хрононимов, может совпадать в монохронном и полихронном тексте/ дискурсе. Это зависит от выбранной переводчиком типологии этнолингвокультурной адаптации темпоральности.

Проиллюстрируем проявление переводческого хронотопа на примере фрагмента диалога из видеокурса к учебнику *Intelligent Business Intermediate*.

Текст ИЯ [8]:

*- Well, Jet asked us if we could bring forward the final product tests by a couple of weeks, which means that either Philippe and I work **26 hours a day**, or we get some more support staff.*

Текст ПЯ (буквальный):

- Хорошо, Джет спросил нас если мы могли принести вперед финальные тесты продуктов на пару недель, что означает что или Филипп и я работаем **26 часов в день**, или мы получаем немного больше поддержки сотрудников.

Текст ПЯ:

- Итак, Джет спросил, не сможем ли мы провести конечные испытания товара на две недели раньше, но это означает, что либо я и Филипп будем **вкалывать сутки напролет**, либо нам дадут помощников.

Проанализируем выделенные темпоральные маркеры текстов монохронного дискурса в исходной культуре – **26 hours a day (26 часов в день)** и полихронного дискурса в принимающей культуре – **сутки напролет**. Мы видим, что маркеры темпоральности в текстах ИЯ и ПЯ существенно различаются, т.к. различаются культурно-обусловленные ценности времени для представителей моно- и полихронной культур.

В контексте анализируемой коммуникативной ситуации выражение **26 hours a day (26 часов в день/ сутки)** может означать «*работать сверх нормы, без перерывов на обед и отдых; оставаться в офисе допоздна; брать незаконченную работу на дом*» и т.д. В тексте исходной культуры темпоральный смысл выражен эксплицитно, «прямолинейно», с помощью числительного, указывающего на большее количество часов, чем может содержаться в сутках (**26 часов**), и именно этот факт несоответствия несет в себе необходимую темпоральную нагрузку для представителей монохронной культуры. Для носителей русского языка выражение **26 часов в день/ сутки** менее приемлемо, чем используемое в переводе разговорное словосочетание «**сутки напролет**». Свое уважительное отношение ко времени представители монохронной культуры выражают с помощью точных, конкретных темпоральных маркеров даже в тех ситуациях, когда временной промежуток не имеет явного срока окончания, что проиллюстрировано на примере нашей ситуации. «Русскому времени», наоборот, свойственна неопределенность, нескончаемость, повторяемость. Кроме того, вместо глагола «*work*» («**работать**»), переводчик использует глагол «**вкалывать**», который имеет оттенок интенсивности и даже «усталости».

Как видно из текстов ИЯ и ПЯ, темпоральный смысл успешно интерпретирован переводчиком, несмотря на явное расхождение темпоральных маркеров, используемых в оригинале и переводе. Это означает, что переводчик, осознав авторский темпорально-модальный смысл (ТМС), формирует в своем переводческом мировоззрении индивидуальный темпорально-образный смысл (ИТОС), оперируя фактами, изложенными в тексте и выраженными эксплицитно (**26 hours a day**). Мы видим, что в тексте перевода содержится идентичный темпорально-фактуальный смысл (ТФС) – (**26 hours a day – сутки**

напролет), передана особая энергетика текста через темпорально-энергетический смысл (ТЭС) – *напролет, вкалывать* – что демонстрирует напряженный труд в течение долгого времени. Но самое главное, переводчику удастся транспонировать темпорально-культурологический смысл высказывания (ТКС) с учетом фоновых знаний реципиента, в которые вписывается текст перевода, т.е. темпоральные смыслы, интерпретируемые переводчиком, первоначально вписываются в личный контекст реципиента, рефлектируются им, а затем ревербализуются, обретая темпорально-рефлексивный смысл (ТРС).

Если переводчику удастся передать темпорально-культурологический смысл исходного текста, несмотря на использование темпоральной лексики, отличной от текста оригинала, мы можем утверждать, что этнолингвокультурная адаптация темпорально-пространственных смыслов состоялась и конечный текст, созданный в процессе перевода, гармонично вписывается в принимающую культуру.

Итак, взаимосвязь между темпорально-пространственными смыслами текстов ИЯ и ПЯ очевидна, следовательно, осознание их переводчиком произошло в рамках переводческого хронотопа, инструмента, с помощью которого была создана среда для адаптации темпорально-пространственных смыслов и создания гармоничного перевода.

Фактор времени оказывает влияние на мышление и личностные качества переводчика, что способствует формированию его индивидуально-образного пространства, переводческого мировоззрения и переводческого хронотопа, что, в свою очередь, объясняет необходимость транспонирования темпоральных смыслов и их соотношение с пространственными смыслами в едином переводческом пространстве.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема текста. Заметки 1959 – 1961 гг. [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 297 – 325.
2. Большая советская энциклопедия URL: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения 3.10.2012).
3. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам [Текст] / Г. В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
4. Карем М. Стихотворения [Текст] / М. Карем; Пер. с фр., состав. и послесл. М. Яснова. – На фр. и русск. яз. – М.: Текст, 2011. – 317 с.
5. Кушнина Л. В. Переводческий хронотоп: творчество vs стереотип [Текст] / Л. В. Кушнина // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. М. П. Котюровой; Перм. ун-т. Вып. 11. – Пермь, 2007. – С. 77 – 88.

6. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства [Текст] / Л. В. Кушнина. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. – 196 с.
7. Современная энциклопедия URL: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения 10.10.2012).
8. Gomm H. Intelligent Business Intermediate. Video Resource Book. Pearson Education Limited, 2006. – 55 min.

Рецензенты:

Кушнина Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯЛ и МК ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», г. Пермь.

Мышкина Нелли Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯЛ и МК ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», г. Пермь.